

удовлетворяло свою потребность, но и отправляло избыток хлеба за границу. В записках ученого путешественника иностранца Палласа находим указание на то, что самый лучший пшеничный хлеб выпекается на Дону.

Кубань (черноморцы и линейцы) к концу прошлого века, спустя всего сто лет после оселения, а после прекращения постоянной войны и военного положения всего через полстолетия достигла исключительного культурного и экономического развития чисто в американском масштабе; без моря и без путей к нему это было бы недостижимо.

В нашу тему не входит трактовка вопроса о значении моря и судоходных рек в жизни народа, вообще мы дали лишь краткую справку для уяснения исторического явления — море, степь и судоходные реки исторически были стихией, средой в которой образовались и развивались казачьи организмы.

При современном разрешении вопроса о переселении казаков на землю, указанные исторические данные необходимо поставить в основу при выборе страны и района для поселения казачьей колонии.

Поселение в Перу, помимо других условий, было бы с этой точки зрения колоссальной ошибкой. Район

поселения в Перу удален на сотни верст от моря, отдален от моря высокими горами, а при отсутствии к тому еще судоходной реки исключается возможность благоприятного существования казачьей колонии и ее развития.

Благоприятными и возможными районами для образования казачьей колонии представляется северная Мексика на берегу Мексиканского залива, Техас (в Соед. Шт.) на судоходных реках, впадающих в море и много районов в Австралии и на островах ее. Кроме экономических условий, из которых главным является, что при поселении у моря или на судоходной реке представляется свобода товарообмена и большая независимость от внутренних рынков страны, по историческому опыту знаем, что только оседание вблизи моря, или на судоходной реке даст возможность казачьей колонии сохранение ее как особого народного организма.

Следующим вопросом является форма существования и народнохозяйственной деятельности будущей казачьей колонии. Раз вопрос идет о сохранении казачьей самобытности, то едва ли могут быть приняты нормы иные, как только привычные всему Казачеству, при которых оно развивалось т. е. общинно (кооперативно) — индивидуальные, но об этом в другой раз.

Санжа Балыков.

Нечто о колониальной политике.

(Окончание).

Интересно провести хоть краткую параллель между экономическим положением и состоянием культурного развития национальностей, входящих в состав Британской империи, и таковыми же, находящимися в составе Российской. В то время, как во всех Английских колониях колонизованные народы имеют возможность жить фактически свободной национальной жизнью, получают образование на своем языке, развивают этот язык, а общественная жизнь их достигла нормальных форм, экономическое благосостояние с каждым годом растет, а сами колонизованные народы в большинстве случаев из состояния вымирания переходят в стадию прироста, у народов же, колонизованных Россией, заботы о которых по совместности расселения значительно облегчаются, наблюдается полная противоположность. Ведь ни для кого не секрет, в каком ужасном состоянии находятся все, так называемые, „инородцы“, входящие в состав населения России, независимо от вида и характера власти в ней.

Например, дикие и свирепые маори, ко времени колонизации Новой Зеландии англичанами находившиеся в состоянии людоедства, скальпирования и употребления стрел и томагавка, в настоящее время настолько уже цивилизованы англичанами, что выбирают из своей среды равное число с англичанами депутатов в Ново-Зеландский парламент, а когда в 1893 году были даны политические права женщинам Новой Зеландии, то эти права были распространены и на женщин маори. При чем, все эти права не пустая форма, а они полны действительного содержания, так как заботами англичан эти маори имеют возможность получать и получают у себя современное европейское образование. В этом отношении возможности у них несравненно большие, чем у населения многих губерний России, не говоря уже об инородцах.

В России же, как помнится, инородцы могли только спокойно вымирать, бессовестно эксплуатироваться, спаиваться водкой русскими купцами, заражаться всякими, дотоле неизвестными болезнями без средств борьбы с ними, под давлением русских терять свои лучшие земли и, вдобавок, беззащитная, оскорбительная для всякого национального самочувствия упорная попытка руссификации этих народов, отирательная политическая работа миссионеров под покровительством власти и ни одного разумного мероприятия в пользу этих народностей. Вот первые подвернувшиеся примеры: в 1897 г. тунгусов было 66270 душ, в 1926 г. — 29173, при чем,

на своем языке говорят только 19825. Маньчжуров в 1897 г. было 3394, а ныне только 22 человека!

Если познакомиться с историей и современным положением калмыков, с их ценными услугами России в прошлом, с их былым гражданским чувством к России, как к своей настоящей родине, но все же от притеснений и посягательств на национальное бытие со стороны русской власти принужденных бежать в Китай и гибнуть, если познакомиться с прошлым и настоящим положением киргизов, башкир, с их тихой и упорной, а подчас кровавой борьбой за свою хотя бы относительную национальную свободу, за свою религию, за что русские десятками тысяч расстреливали их, резали носы, уши, крестили, высылали в центральные губернии и, в конце концов, почти на половину уменьшили их, мы еще больше убедимся в правильности определения русской колониальной политики. О десятках же народностей Сибири, буквально вымирающих от отсталости, бедности, от алкоголя, сифилиса и эксплуатации и говорить не стоит. Там дело уже сделано и надежды на спасение и улучшение нет. А русская ура-патриотическая общественность не только не чувствует свое преступление перед этими народами, но еще требует от них патриотизма и любви к России и, возмущаясь националистическими стремлениями некоторых из этих инородцев, перекликаются (Руль и Возрождение), что „надо взять на мушку этих самостийников“...

Она до сих пор не может усвоить то, что для того, чтобы инородец дорожил связью с Россией, она должна была бы позаботиться о предоставлении ему сносной жизни, дать ему возможность развивать свою национальную культуру, приобщаться к темпу современной жизни, одним словом дать ему то, чем бы он мог дорожить и ценить в совместной жизни с протектором.

В принципе, конечно, ничего нельзя иметь против стремления к самостоятельности многомиллионного индусского народа, но мой опыт личного наблюдения над состоянием сознания у представителей индусской народной массы, зная силу влияния на них религиозных и кастовых различий, не позволяющей индусам разных племен подходить друг к другу в буквальном смысле этого слова и вспоминая одновременно, как умело и заботливо относятся англичане ко всем многочисленным требованиям религии и обычаев этих различных индусских племен и каст, я на вопрос индусского освобождения смотрю очень пессимистически.

„Мы еще не единый индусский народ, а множество

народов живущих в Индии и часто враждующих, не понимающих общность интересов; многие из нас скорее откровенно поговорят с иностранцем, чем между собой, в этом наша роковая слабость" — приблизительно так часто мне говаривал мой друг Калá-Хан. При чем этот умный от природы и толковый индус дико вскрикнул, когда я при нем протянул было руку одному парню, уборщику полковых клозетов. Кроме того он был в полной уверенности, что большевики это — магометане, их „брадеры“, которые придут и освободят их от чужой зависимости, а когда я растолковал ему, что такие большевики, то он печально сказал, что если им не обойтись без хозяина европейца, то лучше англичан хозяина не сыскать.

А англичане в своих заботах действительно доходили до курьезов. Например, полк имеющий в своем составе четыре роты из разных племен и каст имел и четыре вида рациона. Одни ели исключительно козлятину, другие только говядину, одни ели хлеб, другие только пресные пышки-„чупаты“ с перцем и горохом; одни курили, но не пили, другие наоборот; одним на праздниках нужно было сжигать целые горы дров, облитых керосином и целую ночь проводить в пляске вокруг костра; для иных нужно было два раза в год выплывать начетчика из Индии; одни носили длинные до плеч или дояспины волосы и шапку без верха, другие носили шапку с пирамидкой наверху; одни любили ходить в лагере наги и шесть раз в день мыться, а иным и мазаться маслом, — все это строго англичанами соблюдалось и индусам предоставлялась полная возможность выполнения всех своих обычаев и законов. Само собой разумеется, что в полку было и четыре молельных места, четыре храма-палатки для последователей каждой секты. Мало этого, такая предупредительность к чужим обрядам и обычаям распространялась и на нас, калмыков, что было ново, ибо в русской армии мы знали только пренебрежение и насмешку не только над своими обычаями, но и просто над своей физиономией и языком. (Это утверждение не касается казачьих частей, где мы, нужно отдать справедливость, пользовались хоть некоторым уважением наших законов и обычаев, что и является одним из факторов привязавших калмыков к казакам).

Кстати надо сказать, что несмотря на все эти заботы по уважению чужой религии и обычаев, дисциплина в Английской армии высокая, но дисциплина целесообразная и разумная, а не бессмысленный „цук“, „разнос“ мордобой, вечная борьба за отдачу чести, „с кем разговариваешь?“ и т. д. Невольно вспоминаются те тысячи лишних и ненужных для дела унижений и оскорблений, которым подвергались инородцы в частях Российской армии иногда только из за недостаточного знакомства с русским языком. Англичане предпочитают научить индусскому языку десяток своих офицеров, чем учить английскому тысячи индусов. В индусских частях не только солдаты, но даже большинство „джемодаров и субидаров“, не говоря уже о „гавильдарах“, не знают по английски. Обращение с солдатами в английской армии в высшей степени корректное и вежливое. За два года я не слышал ни одного громкого выкрика со стороны офицера к солдату, точно также, как не мог увидеть ни одного пьяного офицера, несмотря на внимательное наблюдение. Вероятно они пьют (капitanы полны виски и джина) но, видимо, умеют пить. Английский офицер сух и высокомерен, но среди них не может быть ни Куприновских Шульговичей, ни Замятинских Азанчевых.

Так, на основании собственного наблюдения, я пришел к убеждению, что еще долго придется работать индусам над самими собой, много еще придется работать Ганди и его последователям, прежде чем они обработают индусский народ, прежде чем вдолбят в го-

лову индусов, что все и все они — сыны единой страны, с единым жизненным интересом, с единой судьбой и что спасение — в преодолении взаимных религиозных и кастовых нетерпимостей. Без этого освободительное движение обречено на неудачу. Пока такого единения и преодоления племенной розни нет, Гандистское движение есть не что иное, как один из отдаленных этапов на путях к освобождению, но ни в коем случае не конун настоящего освобождения. Тем более надо иметь ввиду, что английская колониальная политика во всех подобных случаях народных вспышек, исходя из того, что они должны вызываться тем или иным неудовлетворительным положением, всегда ищет, находит и по возможности устраняет эти причины, в смысле удовлетворения справедливых требований нации. И я совершенно уверен, что на другой же день по успокоении Индии англичане сделают ту или иную реформу и надолго удовлетворят индусов. В этом цена и значение Гандистского движения.

* *

В конце мне хочется сказать, что трудности, сопровождающие колонизацию казаками земли в республике Перу, где навстречу колонистам есть доброжелательное отношение государства, где исключена возможность голодной смерти, где на случай эпидемии можно надеяться на медицинскую помощь, не так уж и страшны, чтобы у желающих сесть на землю отбилась всякая охота это делать. Важно, по моему, для казачьей эмиграции решить для себя один из двух вопросов: можем ли мы, казаки и калмыки, дальше пребывать в условиях теперешней жизни в Европе, в условиях расброшенного состояния, кормясь фабрично-заводским трудом, и с'умеет ли мы при таком положении сохранить свое национальное лицо, или же такое положение угрожает нам в дальнейшем растворением в чужой массе, постепенным исчезновением и, поэтому, мы должны искать путей и возможностей массового устройства на землю, т. е. попытаться вернуться хоть и к скромной, но привычной, станичной, земледельческой атмосфере, которая прочнее всего обеспечит за нами сохранение нашего национального лица и которая даст возможность материально окрепнуть и потому, в будущем, даст нам возможность более продуктивно помогать делу освобождения своей настоящей родины-Казакки.

Коль скоро организованная часть Казачества признает второе положение соответствующим обстановке, то первоначальные трудности, связанные с устройством, — второстепенный, во всяком случае, преодолимый вопрос. Меня, лично, некоторые неудачи первой партии казаков в Перу несколько не обезкураживают. Для этого достаточно, раз и навсегда, сознаться, что если сотни лет тому назад, при наличии и обилии свободных земель, колонизация их сопровождалась трудностями, то теперь, когда мир почти весь заселен, нельзя найти такую свободную землю, чтобы все соответствовало нашим вкусам и все без труда и лишения попало бы нам в рот.

Но зато наше преимущество в том, что в нашем распоряжении — услуги державы нас принявшей, дающей нам хоть кое-какое содействие. Поэтому, мне кажется, еще рано ставить крест окончательной неудачи на группу Павличенко и Лысенко. Говорят, что „цыплят по осени считают“. Но то цыплят, а результатов человеческого труда, сумму его достижений, тем более на новом и неизвестном месте, где люди начинают почти с ничего, нужно будет считать после четвертой или пятой осени. Я уверен, что мы еще здесь, в эмиграции, долбя где нибудь камень, будем иметь удовольствие читать или слышать о морально и материально нормальной жизни казаков в Перу.

Оставшиеся книги Календаря-альманаха „В. К.“ на 1930 год можно приобрести в ред. „В. К.“ по цене 20 корон чешских.